

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАЧАЛА ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА СУРГУТСКОГО И НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

© 2023 г. В. А. Борзунов*

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

*E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Поступила в редакцию 20.04.2022 г.

После доработки 10.06.2022 г.

Принята к публикации 10.11.2022 г.

За последние четыре десятилетия в таежных областях Сургутского и Нижнего Приобья открыты шесть уникальных погребальных объектов раннего железного века с большим количеством импортного и местного инвентаря: одиночные могилы, клад с регалиями шамана, захоронение кукол-*ит-тарма*, олицетворявших группу воинов, погибших на чужбине. Исследованные памятники принадлежали представителям местной элиты. Аналогичных комплексов эпох камня и бронзы здесь не выявлено. Это свидетельствует о наличии социального расслоения в угорских и угро-самодийских обществах западного ареала кулайской культурно-исторической общности (КИО) в I–IV вв. до н.э. Между тем появление в данном регионе бастионно-башенных крепостей, медных фигурок антропоморфов в шлемах и “солнечных” коронах, а также находка наконечника стрелы “кулайского типа” в жилище белоярской культуры предполагают начало формирования образа воина-вождя-богатыря-духа и отделенного от рядовых общинников слоя воинской, имущественной и культовой элиты, возможно, еще раньше — около середины I тыс. до н.э. Главной предпосылкой этих явлений, равно как появления изделий из железа в таежных обществах Приобья в условиях отсутствия производящего хозяйства (скотоводство, земледелие), стало включение охотников-рыболовов севера Западной Сибири в систему экономики Евразии на правах регулярных поставщиков пушнины.

Ключевые слова: тайга, обские угры, кулайская культура, погребения, клад, генезис элиты.

DOI: 10.31857/S0869606323010063, **EDN:** MBQVKE

Минуло полвека с начала активного изучения уральскими и сибирскими учеными археологических памятников Ханты-Мансийского автономного округа — Югра (Стефанова, Борзунов, 2002; Барсова гора..., 2002; Чемякин, Карачаров, 2002; Чемякин, Зыков, 2004; Борзунов, Чемякин, 2006; Перевалова, Карачаров, 2006; Чемякин, 2008) и более сорока лет со времени выхода в свет первых фундаментальных исследований по кулайской культуре (культурно-исторической общности, далее — КИО) раннего железного века лесной полосы Западной Сибири (Троицкая, 1979; Чиндина, 1984). Накоплен огромный фактический материал по западному ареалу кулайской КИО, в котором были открыты сотни поселенческих памятников, раскопаны десятки жилищ и хозяйственных построек сургутского и нижнеобского вариантов данной общности. В первых обобщающих работах эти территории представлены только единичными памятниками. Новые полевые и камеральные исследования скорректировали представления о генезисе и развитии кулайской КИО в Сургутском и Нижнем Приобье, Нижнем Прииртышье, бассейне Конды и верховьях Пура, а

также позволили предложить новую периодизацию древностей раннего железного века этих и сопредельных территорий. Последняя включает два этапа: белоярско-васюганский (VIII/VII–IV/III вв. до н.э.) и собственно кулайский (IV/III вв. до н.э. — III/IV вв. н.э.), также известный под названием “ярсалинский” (Чернецов, 1957; Федорова и др., 1991; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 34–44; Борзунов, Чемякин, 2006; Чемякин, 2008. С. 60–94). Напомню, что Л.А. Чиндина в рамках кулайской “эпохи” выделяет два этапа: раннекулайский, или васюганский (VI–II–I вв. до н.э.), и позднекулайский, саровский (II–I вв. до н.э. — V в. н.э.) (Чиндина, 1984. С. 120–124).

В отличие от ранее доминировавшей гипотезы о формировании кулайской КИО в результате обширных разнонаправленных миграций (Чиндина, 1984. С. 156–175. Рис. 48) предложена альтернативная концепция. Суть ее сводится к тому, что “новые материалы свидетельствуют в пользу автотонного формирования культур (или локальных вариантов) данной общности на большей части таежного Приобья. То есть там, где в эпоху бронзы были распространены культуры общно-

сти гребенчато-ямочной керамики. Что касается миграций среднеобского кулайского населения, то они были направлены в основном на юг и юго-восток Западной Сибири — в Омское Прииртышье, Томское и Верхнее Приобье. Переселения из Среднего Прииртышья на запад и северо-запад — в Нижнее Приобье и на Конду маловероятны. Говоря о переменах, происходивших в кулайское время в западносибирских лесах, их “можно кратко определить двумя словами: унификация и прогресс” (Борзунов, Чемякин, 2006. С. 86; также см.: Федорова, 2000. С. 57; Агаркова и др., 2016. С. 110–114).

В определенной степени изменились представления и об этнолингвистической принадлежности древних таежных племен Приобья. В свое время сибирские археологи и этнографы, вслед за В.Н. Чернецовым, связывали кулайскую культуру-общность с самодийским или с нерасчлененным угро-самодийским “этносом” (Чернецов, Мошинская, 1954. С. 189; Чернецов, 1971. С. 105; Чиндина, 1984. С. 171–175). Между тем, скорее всего, это было грандиозное полиэтническое объединение, в котором значительная часть лесных кулайских племен в западной половине ареала, включая Сургутское Приобье и южную часть Нижнего Приобья, могла быть преимущественно угрозычской (Чемякин, Карачаров, 2002. С. 44; Троицкая, Новиков, 2004. С. 65; Чемякин, 2008. С. 93), а в восточной половине и на крайних северных территориях обитали в основном представители самодийских коллективов.

Помимо этого, в Сургутском и Нижнем Приобье были обнаружены кулайские могильники, а главное — серия погребальных объектов с исключительно богатым инвентарем. Последние и являются предметом нашего анализа. Подробные сведения о них опубликованы в ряде местных изданий (Чиндина, 1984; Зыков, Федорова, 2001; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 40–47; Бельтикова, 2002; 2008; Борзунов, Зыков, 2003; Чемякин, Зыков, 2004; Борзунов, Чемякин, 2006; Перевалова, Карачаров, 2006; Чемякин, 2008; Карачаров, 2011;

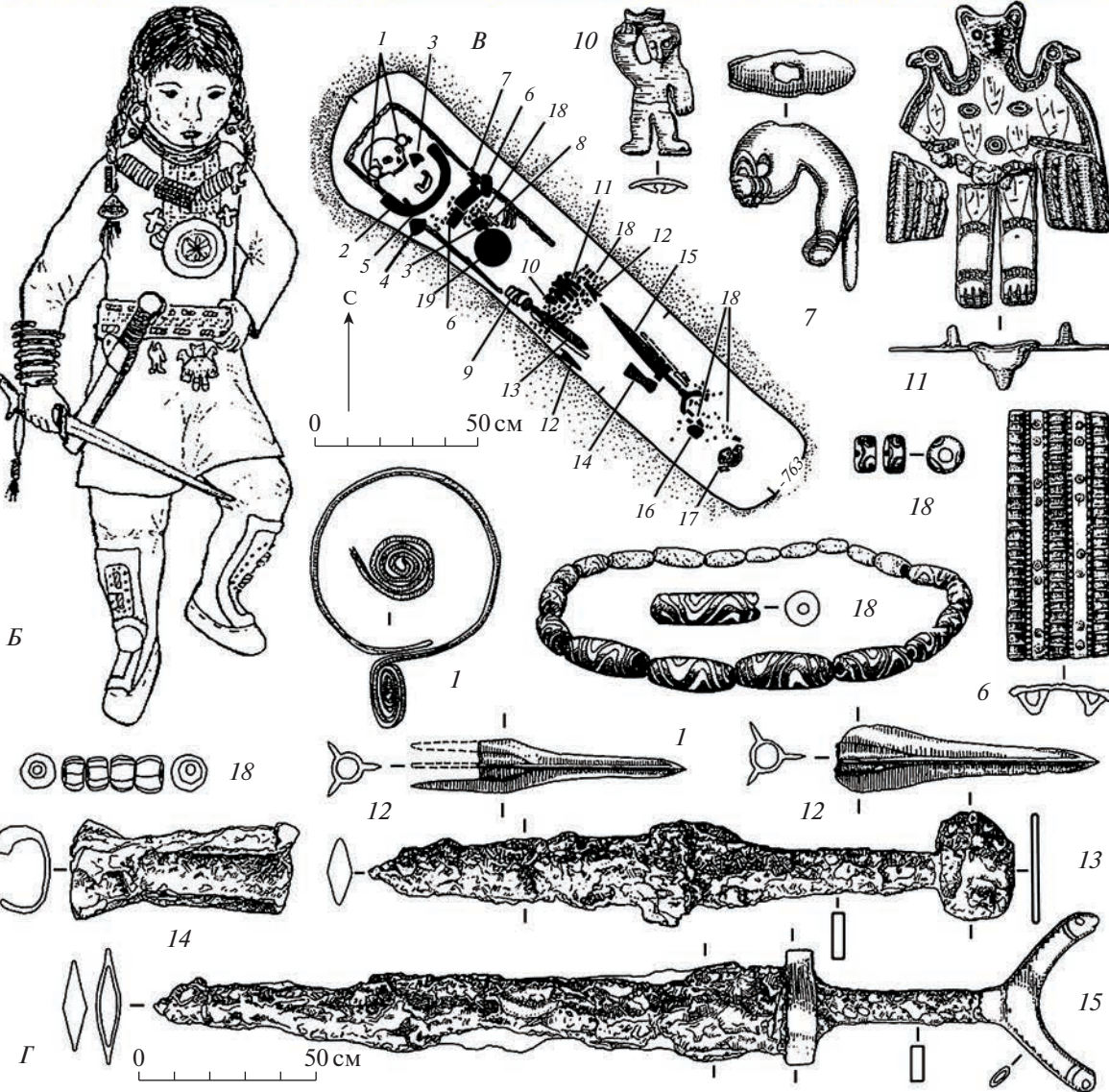
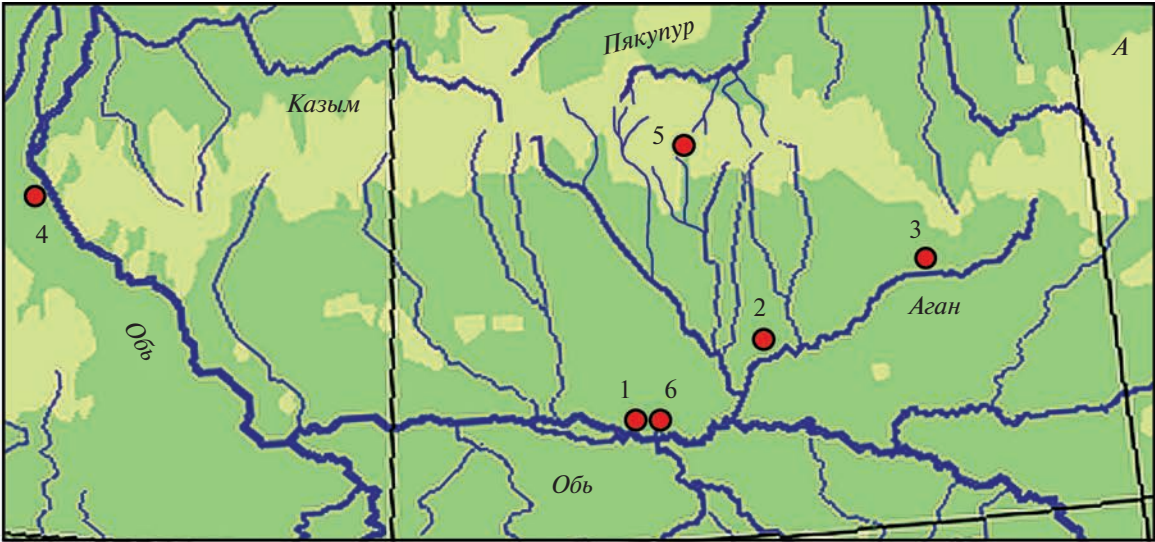
2017; Агаркова и др., 2016; и др.), а также на страницах журнала “Российская археология” (Бельтикова, Борзунов, 2017). В целом же данный комплекс мало известен за пределами Западной Сибири.

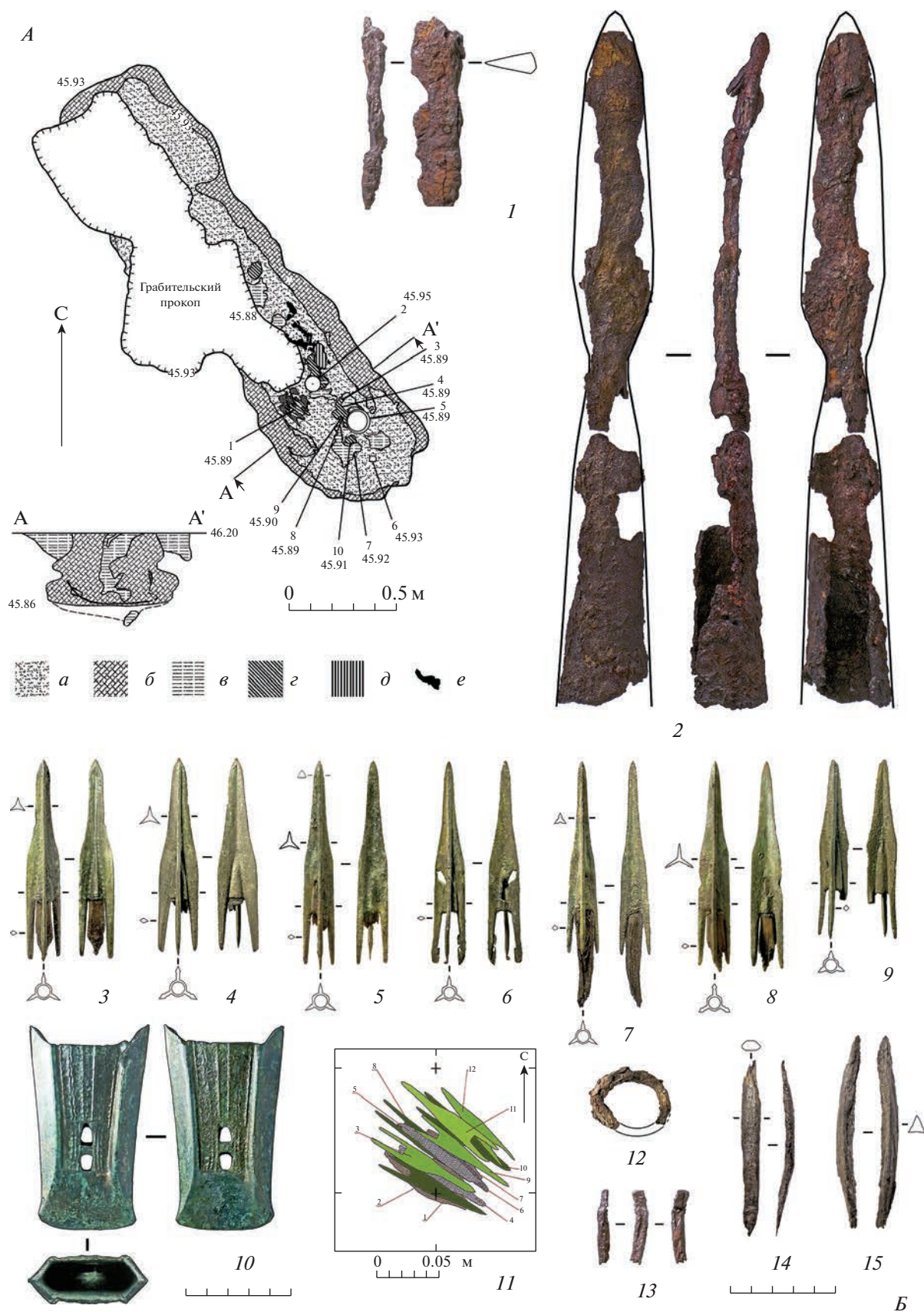
Ниже приведены краткая характеристика и анализ шести уникальных погребальных объектов без детализации состава находок с приложением некоторых иллюстраций (рис. 1–8).

Кулайские погребальные объекты и клад. В 1986 г. автор статьи проводил раскопки городища белоярской культуры Барсов Городок I/3, находящемся у западной окраины г. Сургута в известном урочище Барсова Гора. В процессе работ во внутреннем рву укрепления открыто погребение II–III вв. н.э., для расчистки которого был привлечен А.П. Зыков. Захоронение относилось к сургутскому варианту кулайской КИО, отличалось богатым привозным (Прикамье, Средняя Азия, Причерноморье, Египет, Китай) и местным инвентарем. В состав погребального комплекса входило 394 изделия, включая железное и бронзовое оружие, предметы культа, украшения из цветных металлов, а также 367 импортных стеклянных бус и небольшой круглодонный глиняный горшок. В узкой могиле вытянуто на спине был захоронен мальчик лет шести с монголоидными чертами лица (определение антрополога В.А. Дремова), облаченный в тканую нижнюю и верхнюю меховую одежду (анализ археолога Т.Н. Глушковой), скорее всего, сын местного “князя-богатыря” (рис. 1, Б, В). По-соседству, во внешнем рву, находилась могила бедного общинника, похороненного по сходному обряду. В яме найдены хорошо сохранившийся костяк, кулайский глиняный горшочек, медная ажурная птицевидная отливка, два осколка импортных бронзовых зеркал, невыразительные подвески из медной витой проволоки на деревянных стерженьках, обломки мелкого украшения из такой же проволоки и пара галек — возможно, грузил от рыболовной сети (Борзунов, Зыков, 2003. С. 103–112. Рис. 1–7; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 70–71. Рис. 16, 1–23).

Рис. 1. Карта памятников с погребальными объектами кулайской элиты Сургутского и Нижнего Приобья; погребение 1 Барсовского III могильника: А — карта памятников: 1 — Барсовский III могильник, 2 — могильник Нивагальское 34, 3 — могильник Агрнъеган 1, 4 — Шеркалинский могильник, 5 — Холмогорский погребальный комплекс, 6 — клад на городище Барсов Городок I/20; Б — костюм мальчика-воина из погребения 1 Барсовского III могильника (реконструкция А.П. Зыкова) В, Г — план погребения 1 (север — магнитный) и находки из него: 1 — серебряные кольца (2 шт.), 2 — серебряная накладка, 3 — фрагменты бронзовых зеркал, 4 — подвески из распиленного зеркала с рифленным концентрическим орнаментом (2 шт.), 5 — бронзовая рифленая пронизка, 6 — бронзовые накладки гофрированные (2 шт.) и с гофрированно-жемчужным декором (1 шт.), 7 — бронзовая полая зооморфная подвеска, 8 — крестовидные изделия из медной проволоки, 9 — бронзовый витой браслет, 10 — бронзовая антропоморфная подвеска, 11 — бронзовая орнито-зоо-антропоморфная накладка-подвеска, 12 — медные или бронзовые наконечники стрел (2 шт.); 13 — железный кинжал, 14 — железный топор-кельт, 15 — железный кинжал с бронзовыми перекрестьем и навершием, 16 — серебряная фольга на бересте, 17 — глиняный горшок, 18 — стеклянные и сердоликовые бусы, бисер (367 шт.), 19 — бронзовое зеркало с лепестковой розеткой и циркульным декором; (см.: Борзунов, Зыков, 2003. Рис. 1–6; Чемякин, 2008. Рис. 83).

Fig. 1. Sites with grave goods of the Kulayka culture elite in the Surgut and Lower Ob River Region; grave 1 of the Barsov III burial ground: А — map of the sites; Б — a boy-warrior's costume from grave 1 (reconstruction by A.P. Zykov); В, Г — plan of grave 1 (magnetic North) and finds from it

Оба погребения были объединены в *Барсовский III могильник*. К данному памятнику также отнесены кулайские материалы, выделенные из коллекции расположенного в этом же месте средневекового некрополя Барсов Городок (Барсовский I могильник), в разные годы изучавшегося шведским ученым Ф.Р. Мартином, томским исследователем-политессыльным В.Ф. Казаковым и сотрудниками УрГУ А.П. Зыковым, Ю.П. Чемякиным, Н.В. Федоровой, В.А. Борзуновым (Арне, 2005. С. 48, 141. Рис. 324; Чемякин, Зыков, 2004. С. 14, 15, 155, 156; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 70, 71. Рис. 16, 1–23; Чемякин, 2008. С. 81–83).

В 1986 г. археолог УрГУ Г.В. Бельтикова при раскопках городища Барсов Городок I/20 (рис. 1, А, 6), расположенного в 1.5 км к востоку от Барсовского III могильника (рис. 1, А, 1), открыла *уникальный клад II–III вв. н.э.* В его состав входят 54 предмета, изготовленные в разное время в таежном Приобье и далеко за его пределами, в том числе — большая стеклянная глазчатая бусина, бронзовые цельнолитые и ажурные петельчатые пластины-накладки, возможно, использовавшиеся как детали доспеха-нагрудника, поясные крючки, эполетообразные поясные застёжки, votivные объемные фигурки, обломок железного кузнечного молотка — древнейшего в таежном Приобье привозного орудия такого типа из черного металла. Галина Викторовна определила эти вещи как остатки костюма человека, выступавшего в нескольких ипостасях — шамана, кузнеца, вождя и воина (Бельтикова, 2002). Между тем оружие среди этих находок не было. На мой взгляд, это были регалии, срезанные с ритуального облачения и пояса шамана-богатыря, помещенные в ямку диаметром 30 см, глубиной 15 см. Она была выкопана на руинах крепости, в западном углу разрушенного жилища 2. В противоположном углу той же постройки Г.В. Бельтикова раскопала позднекулайское погребение со следами ингумации (зубная эмаль, скопление кальцинированных костей) и характерным для представителя местной элиты сопровождающим инвентарем — плоской антропоморфной отливкой (“личина” воина в шлеме) и крестовидной петельчатой бляшкой из меди или бронзы, остатками кожаного пояса, украшенного гладкими металлическими накладками, а также с двумя кулайскими глиняными сосудами. Возможно, оно

принадлежало владельцу “шаманского костюма” (Бельтикова, 2008; Агаркова и др., 2016; Бельтикова, Борзунов, 2017). В отличие от данного клада, все остальные “собрания” вещей раннего железного века, открытые в таежном Приобье (Истяцкий, Мурлинский, Парабельский, Кривошеинский, Васюганский, Холмогорский и др. “клады”), в действительности являлись святилищами или разрушенными могильниками.

В 2003 и 2009 г. в Сургутском Приобье, в Нижневартовском р-не ХМАО — Югры, в бассейне р. Аган, левом притоке р. Тромъеган, местные жители обнаружили два могильника с разрушенными кулайскими погребениями I–IV вв. н.э.: *Агрньеган 1* и *Нивагальское 34* (рис. 1, А, 2, 3). Первый памятник, сильно пострадавший при строительстве автодороги, стационарно изучался в 2003 г. К.Г. Карачаровым. Второй объект был обследован в 2011 г. Е.А. Даниловым и П.С. Бахаревым. Последним был заложен небольшой раскоп на месте погребения 1, поврежденного кладоискателями. Материалы погребений изучены и опубликованы Константином Геннадьевичем.

Доставшийся ученым погребальный инвентарь обоих памятников (соответственно, 235 и 73 находки) включает четыре категории предметов: железное и бронзовое оружие, культовые отливки из цветного металла, украшения из стекла, бронзы, меди, серебра и даже золота, глиняную и бронзовую утварь (рис. 2–5). По составу и количеству импортных и кулайских предметов эти захоронения сходны с вышеназванными погребальными объектами Барсовой Горы. Кроме того, по оценке сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург), кандидата биологических наук П.А. Косинцева, в материалах первого могильника представлены кости не менее двух особей северного оленя, возможно, являвшиеся остатками заупокойных тризн.

Антрополог Д.И. Ражев определил, что собранные части скелетов из некрополя Агрньеган 1 принадлежали четырем людям, умершим в возрасте от 16 до 25 лет. В свою очередь, в погребении 1 могильника Нивагальское 34, заложенном на руинах укрепленного жилища эпохи энеолита III тыс. до н.э., был захоронен индивид возрастом 20–25 лет, пол которого не установлен. При жизни человек не страдал от анемии и значительного

Рис. 2. Могильник Нивагальское 34. Погребение 1: А — план и разрез (север — истинный/географический); Б — находки: 1 — фрагмент клинка с острием; 2 — обломки наконечника копья; 3–9, 14, 15 — наконечники стрел; 10 — топор-кельт; 11 — скопление наконечников стрел из меди/бронзы и кости; 12 — фрагмент кольцевидного навершия; 13 — стержень; 1, 2, 12, 13 — железо; 3–11 — медь, бронза, дерево; 11, 14, 15 — кость. Условные обозначения: а — темно-серый песок, насыщенный тленом (стенки и дно могилы); б — перемешанный желто-коричневый песок с углями (заполнение могилы); в — белый и серый оподзоленный песок (подзол); г — темный коричнево-серый тлен (органика); д — светло-желтый перемешанный песок (нора); е — следы красной краски (см.: Данилов, 2011. Рис. 4; Карачаров, 2011. С. 82–85. Илл. 23–26; 2017. С. 90. Рис. 3, 6, 7, 10).

Fig. 2. The Nivagalskoye 34 burial ground. Grave 1: А — plan and section (true/geographic North); Б — finds

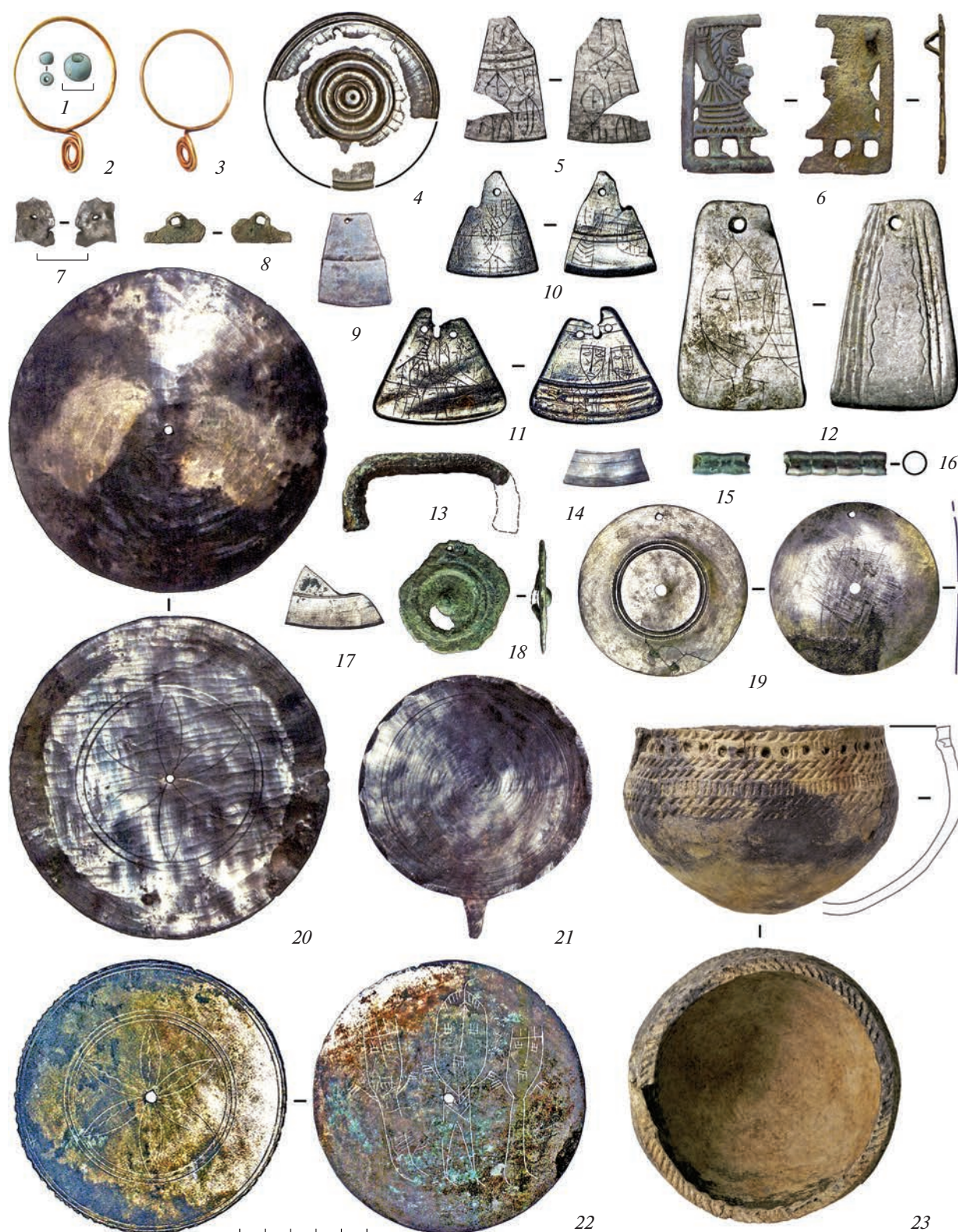

Рис. 3. Могильник Нивагальское 34. Инвентарь из погребений 1 (1–8, 10, 11, 13–23, предположительно – 9) и 2 (12): 1 – бусина, 2, 3 – височные кольца, серьги, 4 – сломанное зеркало, 5, 9–12 – подвески из разрезанных зеркал, 6 – ажурная пластина-накладка с изображением человека, 7, 8 – предметы неопределенного назначения, 13 – ручка котла, 14, 17 – обломки зеркала, 15, 16 – трубчатые гофрированные пронизки, 18 – бляха (подвеска-накладка), имитирующая зеркало, 19, 20, 22 – выпукло-вогнутые бляхи-зеркала с отверстием в центре, 21 – зеркало с насадом, 22 – глиняный горшок; 1 – стекло, 2, 3 – золото, 7 – серебро, 4–6, 8–22 – медь, бронза, 23 – глина (см.: Карачаров, 2011. Ил. 4–11, 15, 17–20, 22, 23, 27; 2017. Рис. 4, 1, 2; 9; 11, 1).

Fig. 3. The Nivagalskoye 34 burial ground. Goods from graves 1 (1–8, 10, 11, 13–23, presumably 9) and 2 (12)

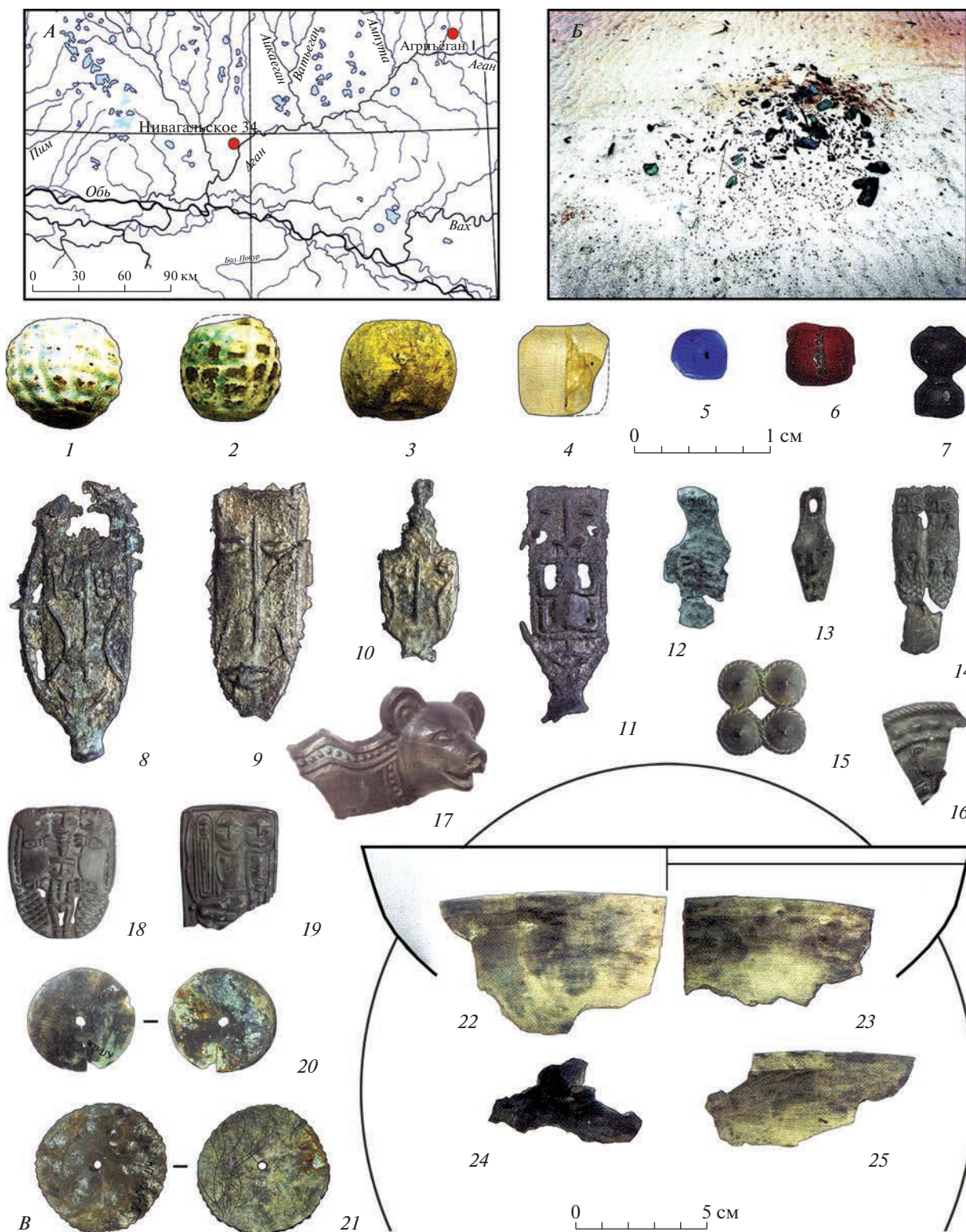

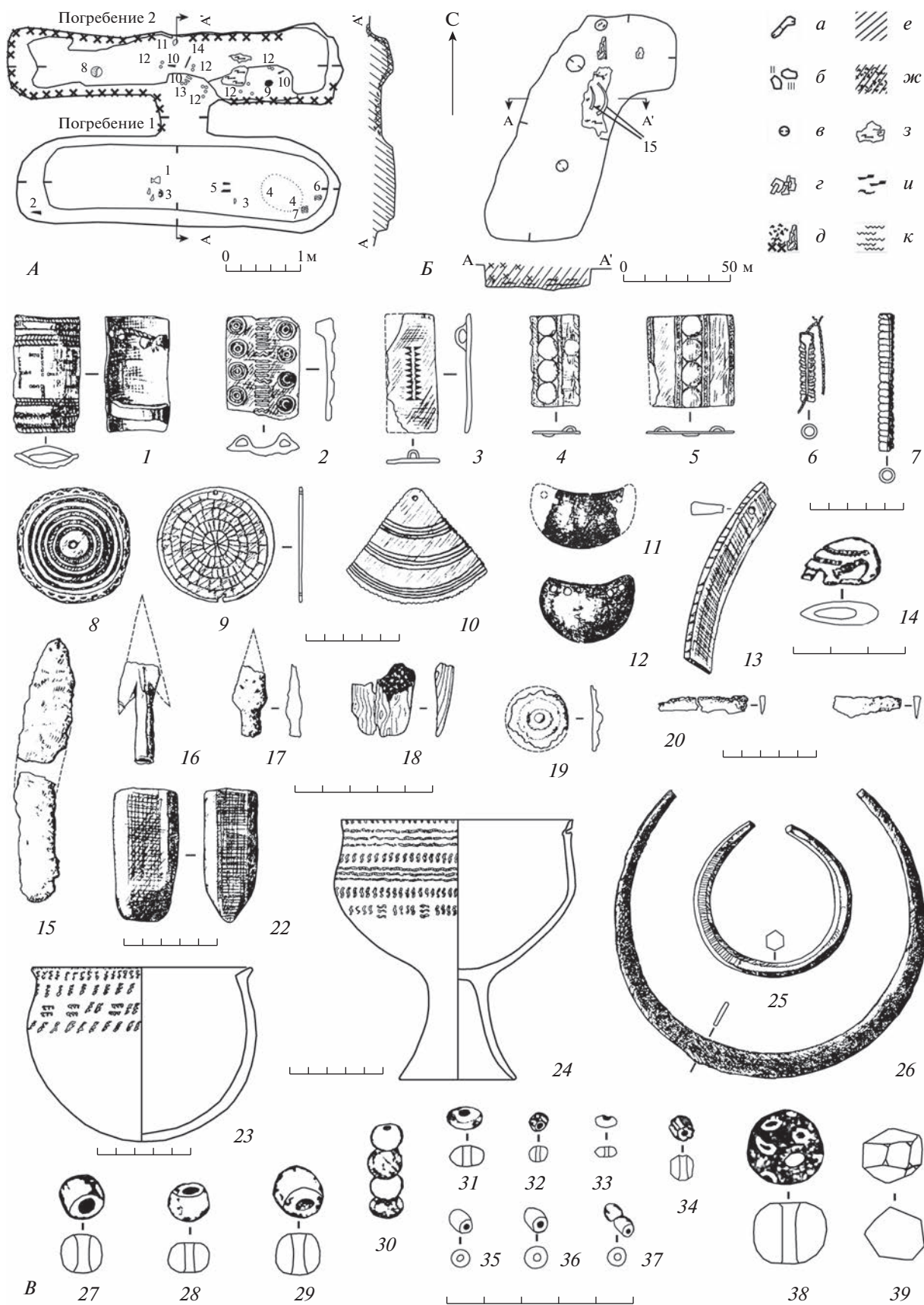
Рис. 4. Могильник Агрньеган I: *A* – местонахождение памятника; *B* – разрушенные погребения; *B* – инвентарь: 1–7 – бусины, 8–10 – антропоморфные личины, 11 – личина с “оттиском” зооморфной бляхи, 12 – птицевидная отливка, 13 – подвеска с антропоморфными личинами, 14 – отливка в виде пары бобров, 15 – поясная бляха-накладка, 16 – фрагмент эполетообразной застежки с изображением головы медведя между лапами, 17 – обломок бляхи с изображением головы медведя, 18 – бляха с изображением антропоморфных персонажей, фланкированных фигурами бобров, 19 – бляха с изображением “семейной сцены”, 20, 21 – выпукло-вогнутые бляхи-зеркала с отверстием в центре, 22–25 – фрагменты чаши; 1–7 – стекло, паста; 8–25 – цветной металл (см.: Первалова, Карачаров, 2006. С. 62–71; Карачаров 2017. Рис. 1).

Fig. 4. The Agrnyogan I burial ground: *A* – location of the site; *B* – destroyed graves; *B* – goods

Рис. 5. Могильник Агрньеган I. Инвентарь из погребений: 1 – наконечник копья, 2–4 – наконечники стрел, 5 – топор-кельт, 6–8 – биметаллические кинжалы в бронзовых ножнах (8 – реконструкция К.Г. Карачарова и В.Н. Широкова), 9 – втулка-обойма, 10–13 – фрагменты котла; 1–5 – железо, 6–8 – железо, бронза; 9–13 – медь, бронза (см.: Перевалова, Карачаров, 2006. С. 67–69, 71).

Fig. 5. The Agrnyogan I burial ground. Grave goods

истощения, но имел на позвоночнике следы остеохондроза, вследствие постоянных резких наклонов туловища. В центральной части ямы сохранились пятна охры, указывающие на некие покровы или деревянные детали гробовища, окрашенные в красный цвет (Перевалова, Карачаров, 2006. С. 62–71; Карачаров, 2011; 2017; Борзунов, 2016. С. 40. Рис. 5).

В 1980 и 1981 г. Л.А. Чиндина и Е.А. Васильев на *Шеркалинском могильнике*, расположенном в низовьях Оби, в 3 км от с. Шеркалы Октябрьского района ХМАО – Югры (рис. 1, А, 4), исследовали двойную могилу с местным кулайским и привозным инвентарем (61 предмет), сопоставимым с материалами богатых погребений Сургутского Приобья (рис. 6). Судя по остеологическим и обугленным древесным остаткам, умершие лежали вытянуто, на спинах, в узких деревянных ящиках-рамах, днища которых были выстланы берестой. Рядом вскрыта третья, частично разрушенная, могила с костями человека и единичными вещами, а также три круглые ямки с остатками кремации и жертвенного комплекса (Чиндина 1984. С. 50–58. Табл. 3; 4).

Холмогорский культово-погребальный комплекс (рис. 1, А, 5). В 1976 г. на песчаной гряде в водоразделе Оби и Пура, близ оз. Сорымлор, на территории Холмогорского месторождения нефти при установке буровой вышки № 30 бригадир монтажников В.Н. Мосиенко обнаружил “клад” металлических вещей переходного времени от раннего железного века к средневековью. Он расчистил их, составил схематический план объекта и сообщил о своей находке археологам УрГУ. На обследование памятника выехала Н.В. Федорова. После изучения местонахождения, состава и расположения артефактов Наталья Викторовна и А.П. Зыков интерпретировали данный комплекс как остатки богатого коллективного захоронения кукол-иттарма, помещенного в неглубокую прямоугольную яму (1.60×0.65 – 0.70×0.40 м). В состав погребальных даров (193 шт.) входило большое количество оружия, разнообразных украшений, votивных предметов и фрагменты бронзового котла. Предполагается, что к головам кукол были пришиты небрежно отлитые бронзовые “личины” (рис. 7; 8). По всей видимости, эти

манекены олицетворяли знатных воинов конца III – первой половины IV в., погибших на чужбине (Зыков, Федорова, 2001). Сходные объекты с куклами, бронзовыми и деревянными “личинами” продолжали сооружаться в Сургутском Приобье в VII–XV вв. (Карачаров, 2002; Борзунов, 2003; Зыков, 2012. С. 84. Рис. 45; 46).

Исторические, фольклорные и этнографические источники свидетельствуют о далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциации в средневековых таежных обществах Сургутского и Нижнего Приобья, известных в летописных источниках как “югра”, а также фиксируют наличие в них представителей “княжеской”, воинской и шаманской прослоек (Бахрушин, 1935; Кулемзин, 2004). Прямо и косвенно это подтверждают материалы местных могильников и городищ VII/VIII–XVII вв. (Стефанова, Борзунов, 2002; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 48–65; Зыков, Кокшаров, 2001; Зыков, 2012). Опубликованы характеристики воинской элиты (Патканов, 1891; 1892) и “шаманского сословия” *остяков* – предков ханты и манси. При этом отмечено, что в отличие от других сибирских народов, шаманство у обских угров имело слабо развитые формы (Кулемзин, 1976; 2004; Кулемзин, Лукина, 1977; Мифы..., 1990; Косарев, 2003).

Вместе с тем раскопки памятников кулайской КИО дают возможность установить более ранний генезис института наследственной верховной власти и шаманства в таежном Приобье.

Л.А. Чиндина, автор монографического исследования по кулайской культуре (1984), выделила одну из главных черт начала железного века в западносибирской тайге: утверждение системы грабительских войн, имевших целью захват более сильными общинами и племенами добычи у соседей, а также завоевание территорий с богатыми угодьями для основания своих поселений. Свидетельствами этого являются городища со сложными фортификациями, выполнявшие функцию укреплений и культовых центров, а также святилища и могильники с большим количеством инвентаря, в первую очередь оружия, символизировавшего “силу и богатство” зарождавшегося воинского сословия. Имущественная дифференциация была особенно заметна в богатых кулай-

Рис. 6. Могильник Шеркалинский: А, Б – планы и разрезы погребений 1–2 и 3 (север – магнитный): 1 – глиняный сосуд на поддоне, 2 – изделие из железа, 3 – полая бронзовая зооморфная подвеска-пронизка, 4, 12, 13 – бусы из стекла и пасты, 5, 10 – бронзовые гофрированные пронизки, 6, 7 – бронзовые бляхи-накладки с жемчужным орнаментом, 8 – глиняный горшок, 9, 11 – дисковидные бляхи с concentрическим декором, 14 – обломки железного ножа?, 15 – части бронзовой гривны; условные обозначения: а – погребения, б – ямы, в – ямка, г – уложенные камни, д – угли, обугленные плахи, е – выщелоченный песок, ж – углистый песок (темно-серая супесь), з – береста, и – береста в разрезе, к – зола; В – инвентарь из погребально-жертвенного комплекса (1 – 3, 8, 11, 13, 16, 25, 27), погребений 1, 2 (4–7, 9, 14, 19–21, 23, 24, 28–37), 3 (26) и культурного слоя могильника вне погребений (10, 12, 15, 17, 18, 22, 38, 39); 1–14, 16, 19, 25, 26, 39 – медь, бронза; 15, 17, 20, 21 – железо; 18 – дерево; 22 – камень; 23, 24 – глина; 27–38 – стекло, паста (см.: Чиндина, 1984. С. 50–56. Табл. 5. Рис. 21–24).

Fig. 6. The Sherkaly burial ground: А, Б – plans and sections of graves 1–2 and 3; В – finds from the burial-sacrificial complex, graves 1–2, 3 and the layer outside the burials

ских погребениях могильника Каменный Мыс в Новосибирском Приобье (Троицкая, 1979. С. 58; Чиндина, 1984. С. 151. 152). Кроме того, Людмила Александровна предположила, что “судя по изображению воина из Парабельского клада, богатству облачения и оружия Истяцкого, Холмогорского, Парабельского кладов, по-видимому, в конце кулайской эпохи зарождается культ героя-богатыря, особенно ярко проявившийся уже в релкинское время” (Чиндина, 1984. С. 152), в период раннего средневековья.

Охарактеризованные выше богатые погребальными комплексы Сургутского и Нижнего Приобья, исходя из хронологии представленных в них самых поздних вещей, формируются в финале развития кулайской КИО, во II–III/IV вв. н.э. В них представлены и более ранние материалы, в том числе первые железные изделия, престижные привозные украшения из цветного металла, а также импортные стеклянные бусы и бисер, произведенные на рубеже эр. Возможно, самой древней находкой среди них является большая полихромная “глазчатая” бусина из барсовогогорского клада, имеющая аналогии в материалах скифского курганного могильника IV–III вв. до н.э. “Три Брата” (“Огоньки”) близ Керчи (Агаркова и др., 2016. С. 61, 100–103. № 14; Бельтикова, Борзунов, 2017. С. 128, 135, 135. Рис. 3, 4).

Аналогичных погребальных комплексов эпох камня и бронзы на данных территориях не выявлено.

Богатые захоронения и клад резко контрастируют на фоне рядовых погребений из тех же и других кулайских могильников Сургутского и Нижнего Приобья, а также бассейна Конды (Барсовский VII, Сырой Аган 13, 16, Старый Катыш и др.). В каждой из “бедных” могил найдено от одного до шестнадцати предметов, причем не таких ярких (Чемякин, Степанова, 1994; Шорин, 2006; Баранов, 2008; Чемякин 2008. С. 81–84; Расторпов, 2014. С. 248–250).

Более представительными в Сургутском и Нижнем Приобье являются собрания артефактов из культовых мест второй половины I тыс. до н.э. — I тыс. н.э., открытых на руинах городищ Барсов Городок I/9 (не менее 156), Усть-Полуй (79), Ус-Нел на р. Ялбынья, Няксимволь I на р. Северная Сосьва (более 70), а также из святилища Йипыгойки у пос. Хурumpaуль на той же реке, сакральных объектов близ поселения Вуграсян-Вад на

р. Ляпин и ритуального комплекса кулайской культуры на Большом Соровском озере. В них содержатся “подношения”, прямо указывающие на формирование в это время воинской элиты и культа воина — бронзовые “личины” в острокопечных и круглых шлемах, железное и бронзовое оружие, элементы доспеха, многочисленные привозные сакральные вещи и украшения (Чемякин, 2008. С. 84; Кардаш, 2008; Ширин, Яковлев, 2010; Няксимволь..., 2014).

Эти материалы позволяют выдвинуть гипотезу о наличии в составе обско-угорских лесных обществ конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. элиты, возможно, даже наследственной, представители которой были наделены функциями “князей-богатырей”, глав родов и общин, воинов и служителей культа.

Как правило, знатные люди и их сородичи проживали в небольших, сильно укрепленных — по местным меркам — резиденциях, защищенных бастионно-башенными фортификациями и глубокими рвами. Идея строительства таких дерево-земляных “крепостей” была, скорее всего, заимствована таежным угорским и угро-самодийским населением у лесостепных угро-иранских племен (Корякова, 1988. С. 167–169; 1993. С. 32, 33, 41, 55–58; Матвеева, 1993. С. 157; 1994. С. 124–128, 143; 1997; 2019) саргатской и гороховской культур, а теми, в свою очередь, в VI–III вв. до н.э. — у ираноязычных саков Приаралья (Борзунов, 2002; 2014). Рядовое население тайги обитало в селищах, расположенных вокруг береговых городищ и поодаль от них — в глубине коренных террас. Еще одна новая черта, присущая военно-потестарной верхушке местного общества: размещение могил вождей-“князей” и богатырей-шаманов на руинах городищ, иногда очень древних. По всей видимости, это было частью формирующегося воинского культа.

Появление бастионных городков и местной угорской элиты в конце I тыс. до н.э. и первые века н.э. было предопределено включением таежного Приобья в систему международной торговли. Главными элементами последней являлись “пушные” ответвления Великого шелкового пути, проложенные из Средней Азии, Причерноморья и Северного Кавказа через евразийские степи на север Западной Сибири по издревле существовавшим “информационным коридорам” и “торговым коммуникациям” — рекам Тоболу, Ишиму, Иртышу, Оби, Волге и Каме. В свою очередь,

Рис. 7. Холмогорский погребальный комплекс (“клад”): А — погребение кукол-иттарма (реконструкция А.П. Зыкова); Б — образцы некоторых изделий: 1–4, 7–13, 22–24 — “личины”, антропоморфные и зооморфные изображения, 5, 6 — бляхи с рельефными фигурами оленей и всадников, 14–17 — круглые бляхи-зеркала, в том числе с граффити, 18 — полное зооморфное навершие, 19, 20 — бляшки плоскоконические, 21 — котел, 25 — бусы; 1–14 — бронза, 25 — стеклянная паста (см.: Зыков, Федорова, 2001. С. 96–114. Рис. 12, 14, 19).

Fig. 7. The Kholmogory burial complex (“the hoard”): А — burial of *ittarma* dolls (reconstruction by A.P. Zykov); Б — samples of some products

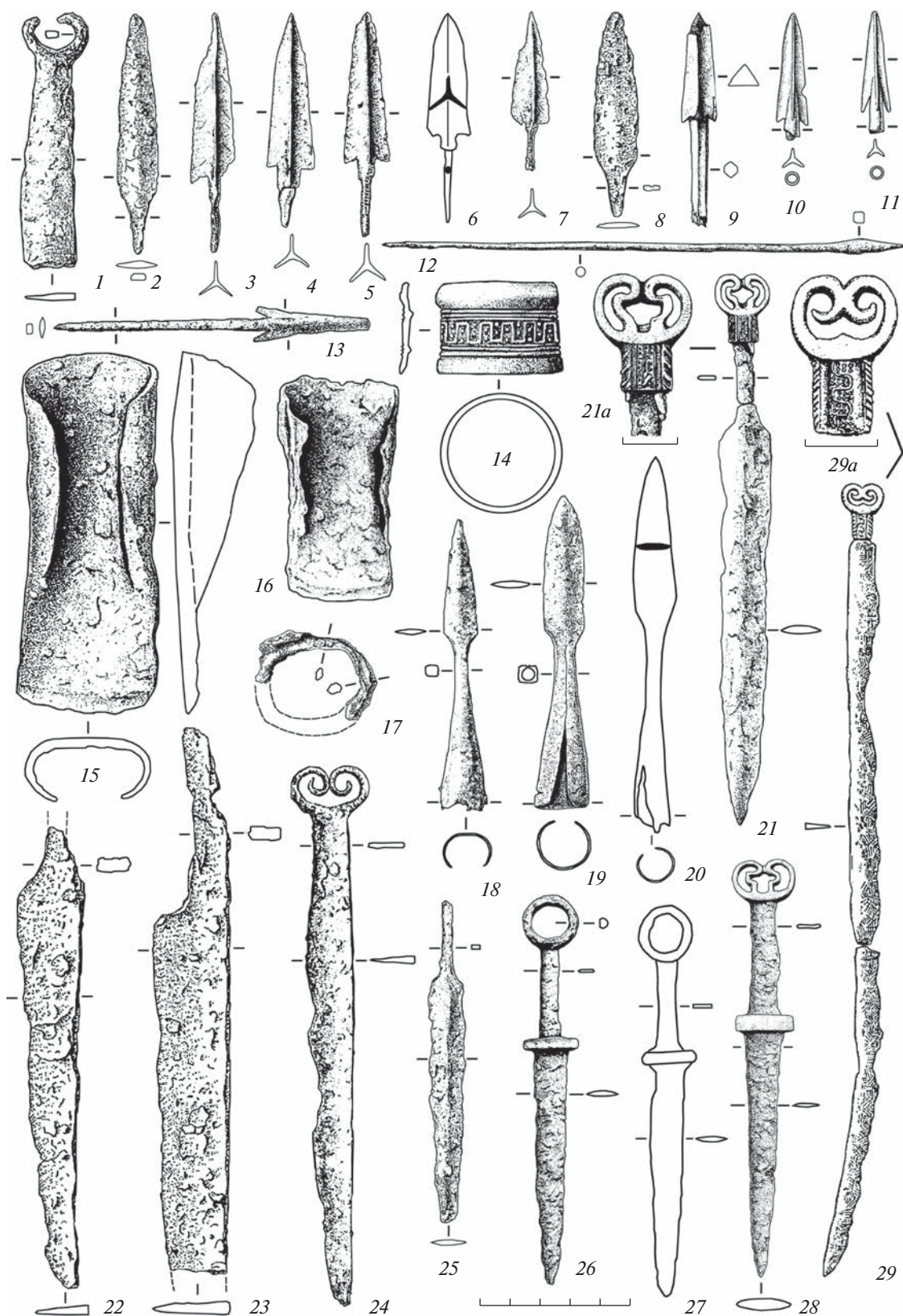

Рис. 8. Холмогорский погребальный комплекс ("клад"). Некоторые образцы оружия: 1 – рукоятка рубильного ножа, 2–11 – наконечники стрел, 12, 13 – наконечники копий, 14 – наконечник ножен палаша, 15, 16 – топоры-тесла (топоры-кельты), 17 – обойма ножен палаша, 21, 25–28 – кинжалы, 22, 23 – ножи, 24 – рубильный нож, 29 – палаш; 1–8, 12, 13, 15–20, 22–27 – железо, сталь, 9 – кость, 10, 11, 14 – бронза, 21, 28, 29 – железо, сталь, бронза (см.: Зыков, Федорова, 2001. С. 115–125, 142–143, 152–155).

Fig. 8. The Kholmogory burial complex ("the hoard"). Some items of weapons

продвижение “пушных дорог” в это время на север было обусловлено отсутствием в западносибирской лесостепи ценного пушного зверя и резким сокращением его в Приуралье в результате целенаправленной охоты, практиковавшейся лесными коллективами ананьинской КИО. Инициаторами этой торговли выступали “профессионалы” из греческих колоний Северного Причерноморья и “городских” центров саков Средней Азии, переправлявшие сухопутными караванными и водными путями на север Сибири и Урала в обмен на пушнину продукцию своих ремесленных центров. Посредниками в “международной” торговле в евразийских степях выступали скифы, савроматы, саки и сарматы, в лесостепи и на южной кромке тайги — пьяноборско-гладеновские общины Волго-Камья (предки удмуртов и коми), богатые саргатские роды Тоболо-Иртышья (древние предки венгров-мадьяр), разноэтничные племена скотоводов Новосибирского и Верхнего Приобья. Помимо южных товаров в тайгу попадали металлические изделия, производившиеся ремесленниками Приуралья и юго-востока Западной Сибири (Корякова, 1988. С. 166; Матвеева, 1993. С. 156–161; 1994. С. 125–126, 143–144; 2000; 2019; Борзунов, 2002; Ширин, 2003. С. 159; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 71–72; Чемякин, 2008. С. 92).

Образцом для “лучших людей” угорских и угро-самодийских обществ западносибирской тайги были, вероятно, отчасти близкие им по языку племена саргатской культуры, проживавшие в тоболо-иртышской лесостепи. Последние отличались четкой социальной стратификацией, вели активную торговлю с городами и государствами Средней Азии, совершали грабительские набеги на степняков и даже включали в состав своей элиты представителей ираноязычного населения. Богатство и высокое положение саргатских объединений демонстрируют их городища и курганные могильники (Корякова, 1988; Матвеева, 1993; 1994; 2000; Матвеева, Проконова, 2019; и др.). Кроме того, саргатские племена осуществляли успешную завоевательную политику в русле общего движения азиатских коллективов на запад (имеется в виду инициированное гуннами Великое переселение народов).

Накопление продукта, значительно превосходящего минимально необходимый для нормального функционирования первобытных общин и обусловившего формирование в приобской тайге богатого управленческого слоя, отделенного от остальной массы населения, произошло явно не за счет производящей экономики (земледелие, скотоводство), которой здесь не было. В этом заключается специфика формирования местной таежной элиты. Вожди кулайских коллективов, опиравшиеся на родовые традиции и силу набранных ими воинских формирований, принуди-

ли рядовое население усилить промысловую деятельность и резко изменили в свою пользу распределение получаемых “из-за границы” в обмен на пушнину ценных статусных вещей — металлических украшений, оружия, утвари, культового литья, стеклянных бус и прочих товаров. Правда, экипировка кулайского “дружинника” и даже “князя”-богатыря была довольно скромной, по сравнению с облачениями знатных воинов и военачальников лесостепных саргатских племен (Матвеева, Проконова, 2019), не говоря уже о доспехах и “царских” одеждах вождей скифо-сарматского степного мира.

В свою очередь, о моменте зарождения военно-потестарной элиты в обществах охотников-рыболовов обско-угорского мира свидетельствуют следующие факты. Судя по древнейшим медным фигуркам антропоморфов в шлемах и “солнечных коронах” (Чемякин, 2002. С. 230–231. Рис. 1, 23, 24; 2008. Рис. 47, 7; 58, 19, 26), самым ранним таежным бастионным укреплением (Борзунов, 2002. Рис. 3, 42; 9, Б), находке массивного бронированного наконечника стрелы “кулайского типа” в очаге жилища позднего белоярского селища Барсова Гора II/38 (Чемякин, 2008. С. 71. Рис. 58, 22), первые признаки формирования образа воина-вождя-богатыря-духа и слоя воинской элиты в Сургутском Приобье фиксируются уже в финале белоярского периода, около V–IV вв. до н.э. Тогда же в сургутской тайге появились лошади — редкие престижные и сакральные животные. Они попали сюда, вероятно, с мигрантами из Тоболо-Иртышья — создателями калинкинской культуры VI–IV вв. до н.э. (Борзунов, Чемякин, 2006. С. 62–76, 82; Чемякин, 2008. С. 74–78, 93).

Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ, тема № FEUZ-2023-0018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаркова А.Б., Борзунов В.А., Труфанов А.Я. Клад кулайской культуры на Барсовой Горе: каталог (из собрания Сургутского краеведческого музея). Екатеринбург; Сургут: Караван, 2016. 128 с.
- Арне Т.И. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. 184 с.
- Баранов М.Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 219–238.
- Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Ред. А.Я. Труфанов, Ю.П. Чемякин. Сургут: Барсова гора, 2002. 224 с.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Ин-т народов Севера, 1935. 90 с.
- Бельтикова Г.В. Кулайский клад с Барсовой Горы // Клады: состав, хронология, интерпретация / Ред.

- Д.Г. Савинов, В.Н. Седых, Н.А. Лазаревская. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. С. 203–206.
- Бельтикова Г.В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов Городок I/20 // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 24–27.
- Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Уникальный кулайский клад в Сургутском Приобье // Российская археология. 2017. № 4. С. 124–141.
- Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология. 2002. № 3. С. 79–97.
- Борзунов В.А. Средневековый культовый комплекс с городища Барсов Городок I/20 // Образы и сакральное пространство древних эпох / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 113–120.
- Борзунов В.А. Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 12 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2014. С. 380–415.
- Борзунов В.А. Укрепленные поселения энеолита таежного Приобья // Российская археология. 2016. № 3. С. 34–44.
- Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры / Отв. ред. В.И. Стефанов, Е.В. Перевалова. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 68–108.
- Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековые и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. Г.П. Визгалов. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2002. С. 26–52.
- Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 9 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2011. С. 82–110.
- Карачаров К.Г. Погребение I могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Вып. VI / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 88–102.
- Кардаш О.В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соровских озерах // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 209–218.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. 239 с.
- Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада. Новосибирск, 1993. 72 с.
- Косарев М.Ф. Основа языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX вв.) // Из истории шаманства / Отв. ред. Н.В. Лукина. Томск: Томский гос. ун-т, 1976. С. 3–154.
- Кулемзин В.М. О хантыйских шаманах. Тарту: ЭЛМ, 2004. 210 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – XX вв.: этнографические очерки. Томск: Томский гос. ун-т, 1977. 226 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 176 с.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // Российская археология. 1997. № 2. С. 63–77.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 339 с.
- Матвеева Н.П. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // Российская археология. 2019. № 1. С. 4–19.
- Матвеева Н.П., Проконова М.М. Воинские облачения из элитных погребений саргатской культуры (Западная Сибирь) // Stratum plus. 2019. № 3. С. 37–50.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, 1990. 568 с.
- Няксимволь / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2014. 200 с.
- Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.: Имп. Рус. геогр. о-во, 1891. 74 с.
- Патканов С.К. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера // Живая старина. 1892. Вып. II. С. 92–97.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: Уральское отд. РАН: Графо, 2006. 352 с.
- Расторопов А.В. Исследование комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катмыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия / Отв. ред. Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 246–254.
- Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Археология таежного Обь-Иртышья: Хроника полевых исследований на

- территории Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург: Академкнига, 2002. 136 с.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2004. 136 с.
- Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 54–66.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Вып. 20 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1991. С. 126–146.
- Чемякин Ю.П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. Вып. 24 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2002. С. 214–245.
- Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
- Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. 2-е изд. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.
- Чемякин Ю.П., Степанова Г.А. Новый стратифицированный памятник раннего железного века на Барсовой Горе // Сургут. Сибирь. Россия: тез. докл. / Отв. ред. Н.Н. Попов. Екатеринбург, 1994. С. 215–219.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 58). С. 136–245.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 2. М.: АН СССР, 1971 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. В4-12). 120 с.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана / Ред. Г.Б. Федоров. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 163–192.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Томский гос. ун-т, 1984. 256 с.
- Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог угорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2010. С. 21–62.
- Шорин А.Ф. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2006. С. 156–164.

ELITE BURIALS OF THE BEGINNING OF THE IRON AGE IN THE SURGUT AND LOWER OB RIVER REGION

Viktor A. Borzunov

^a Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

[#]E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Over the past four decades, in the taiga areas of the Surgut and Lower Ob River Region, six unique burial objects of the Early Iron Age with a large number of imported and local goods have been discovered: single graves, a hoard with shaman's regalia and a burial of *ittarma* dolls personifying a group of warriors who died in a foreign land. The studied sites belonged to representatives of the local elite. No similar complexes of the Stone and Bronze Ages have been found. This testifies to the presence of social stratification in the Ugrian and Ugrian-Samoyedic society of the western area of the Kulayka cultural-historical community (KCHC) in the 1st–4th centuries BC. Meanwhile, the emergence in the region of bastion-tower fortresses, anthropomorphic copper figurines in helmets and “solar” crowns, as well as the find of an arrowhead of the “Kulayka culture type” in a dwelling of the Beloyarskaya culture suggest that the formation of the image of a warrior-leader-bogatyr-spirit and of the military, property-owing and cult elite separated from the ordinary community members started perhaps even earlier — around the middle of the 1st millennium BC. The main prerequisite for these phenomena, as well as for the appearance of iron products in the taiga communities of the Ob River Region in the absence of a producing economy (animal husbandry, agriculture), was the involvement of hunters-fishers in the north of Western Siberia into the Eurasian economy as regular suppliers of furs.

Keywords: taiga, the Ob River Ugrians, the Kulayka culture, burials, a hoard, genesis of the elite.

REFERENCES

- Agarkova A.B., Borzunov V.A., Trufanov A.Ya., 2016. Klad kulayskoy kul'tury na Barsovoy Gore: katalog (iz sobraniya Surgutskogo kraevedcheskogo muzeya) [The hoard of the Kulayka culture on Barsova Gora: Catalogue (from the collection of the Surgut Museum of Local History)]. Ekaterinburg; Surgut: Karavan. 128 p.
- Arne T.Y., 2005. Barsov Gorodok. Zapadnosibirskiy mogil'nik zheleznogo veka [Barsov Gorodok. A West Siberian burial ground of the Iron Age]. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skiy rabochiy. 184 p.

- Bakhrushin S.V.*, 1935. Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekakh [Ostyak and Vogul principalities in the 16th–17th centuries]. Leningrad: Institut narodov Severa. 90 p.
- Baranov M.Yu.*, 2008. The Syroy Agan 13 burial ground of the Kulayka culture in the Surgut Ob River Region. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: Antiquities of the taiga Ob River Region]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 219–238. (In Russ.)
- Barsova gora: 110 let arkhеologicheskikh issledovaniy [Barsova Gora: 110 years of archaeological research]. A.Ya. Trufanov, Yu.P. Chemyakin, eds. Surgut: Barsova gora, 2002. 224 p.
- Bel'tikova G.V.*, 2002. The Kulayka culture hoard from Barsova Gora. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya [Hoards: composition, chronology, interpretation]*. D.G. Savinov, V.N. Sedykh, N.A. Lazarevskaya, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 203–206. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V.*, 2008. The Kulayka burial at the fortified settlement of Barsov Gorodok I/20. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: Antiquities of the taiga Ob River Region]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 24–27. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V., Borzunov V.A.*, 2017. A unique Kulayka hoard in the Surgut Ob area. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 124–141. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2002. The Early Iron Age hillforts with bastion-tower fortifications in North Eurasia. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 79–97. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2003. Medieval cult complex from the fortified settlement of Barsov Gorodok I/20. *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh [Images and sacred space of ancient epochs]*. N.M. Chairkina. Ekaterinburg: Akva-Press, pp. 113–120. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2014. Fortified settlements with bastion-tower fortifications of the Early Iron Age in the Urals and Western Siberia. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 12. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, pp. 380–415. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2016. Fortified Eneolithic settlements in the taiga zone of the Ob River valley. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 34–44. (In Russ.)
- Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P.*, 2006. Early Iron Age of the taiga Ob-Irtysh region: results and prospects of research. *Arkheologicheskoe nasledie Yugry [Archaeological heritage of Yugra]*. V.I. Stefanov, E.V. Perevalova, eds. Khanty-Mansiysk; Ekaterinburg: Charoid, pp. 68–108. (In Russ.)
- Borzunov V.A., Zykov A.P.*, 2003. The burial ground of Barovsky III – a new Kulayka site in the Surgut Ob River Region. *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh [Images and sacred space of ancient epochs]*. N.M. Chairkina, ed. Ekaterinburg: Akva-Press, pp. 103–112. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P.*, 2002. Bronze sculpture of the Early Iron Age from Barsova Gora. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the Urals archaeology]*, 24. V.T. Kovaleva, ed. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 214–245. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P.*, 2008. Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. *Drevnost' [Barsova Gora: Studies in the archaeology of the Surgut Ob River Region. Antiquity]*. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati. 224 p.
- Chemyakin Yu.P., Karacharov K.G.*, 2002. Ancient history of the Surgut Ob region. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov: materialy k atlasu [Studies on the history of traditional Khanty land use: Materials for the atlas]*. 2nd edition. Ekaterinburg: Tezis, pp. 5–74. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P., Stepanova G.A.*, 1994. A new stratified site of the Early Iron Age on Barsova Gora. *Surgut. Sibir'. Rossiya: tezisy dokladov [Surgut. Siberia. Russia: Abstracts]*. N.N. Popov, ed. Ekaterinburg, pp. 215–219. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P., Zykov A.P.*, 2004. Barsova gora: arkheologicheskaya karta [Barsova Gora: An archaeological map]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati. 208 p.
- Chernetsov V.N.*, 1957. The Lower Ob River region in the 1st millennium AD. Review and classification of material. *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri [The culture of ancient tribes of the Urals and Western Siberia]*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 136–245. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 58). (In Russ.)
- Chernetsov V.N.*, 1971. Naskal'nye izobrazheniya Urala [Rock images of the Urals], 2. Moscow: AN SSSR. 120 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, V4–12).
- Chernetsov V.N., Moshinskaya V.I.*, 1954. In search of the ancient homeland of the Ugric peoples. *Po sledam drevnikh kul'tur. Ot Volgi do Tikhogo okeana [In the footsteps of ancient cultures. From the Volga to the Pacific]*. G.B. Fedorov, ed. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 163–192. (In Russ.)
- Chindina L.A.*, 1984. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza [Ancient history of the Middle Ob River region in the Iron Age]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet. 256 p.
- Fedorova N.V.*, 2000. Deer, dog, the Kulayka phenomenon and the legend of the sihirtia. *Drevnosti Yamala [Yamal antiquities]*, 1. Ekaterinburg; Salekhard, pp. 54–66. (In Russ.)
- Fedorova N.V., Zykov A.P., Morozov V.M., Terekhova L.M.*, 1991. Surgut Ob River region in the Middle Ages. *Voprosy arkheologii Urala [Issues of the Urals archaeology]*, 20. V.T. Kovaleva, ed. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 126–146. (In Russ.)
- Karacharov K.G.*, 2002. Anthropomorphic dolls with masks of the 8th–9th centuries AD from the vicinity of Surgut. *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoy Sibiri [Materials and research on the history of Northwestern Siberia]*. G.P. Vizgalov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 26–52. (In Russ.)
- Karacharov K.G.*, 2011. A complex of items from the Early Iron Age found near the fortified settlement of Nivagalskoye 20 on the Agan River. *Khanty-Mansiyskiy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 9. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, pp. 82–110. (In Russ.)

- Karacharov K.G., 2017. Burial 1 of the Nivagalskoye 34 burial ground of the Kulayka culture. *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoy Sibiri [Archaeology and history of North-western Siberia]*, VI. A.Ya. Trufanov, ed. Nefteyugansk; Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy, pp. 88–102. (In Russ.)
- Kardash O.V., 2008. Ritual complex of the Kulayka culture on Sorovskiy Lakes. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: Antiquities of the taiga Ob River region]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 209–218. (In Russ.)
- Koryakova L.N., 1988. Ranniy zheleznyy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [The Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 239 p.
- Koryakova L.N., 1993. Kul'turno-istoricheskie obshchnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsia na ranney i sredney stadiyakh zheleznoogo veka): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk v forme nauchnogo doklada [Cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh province in the early and middle stages of the Iron Age): Doctoral Thesis in History presented as a scientific report]. Novosibirsk. 72 p.
- Kosarev M.F., 2003. Osnova yazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam [The foundations of a pagan worldview: Based on Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow: Ladoga-100. 352 p.
- Kulemzin V.M., 1976. Shamanism of the Vasyugan-Vakh Khanty (late 19th – early 20th century). *Iz istorii shamanstva [From the history of shamanism]*. N.V. Lukina, ed. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 3–154. (In Russ.)
- Kulemzin V.M., 2004. O khantyyskikh shamanakh [On Khanty shamans]. Tartu: ELM. 210 p.
- Kulemzin V.M., Lukina N.V., 1977. Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – XX vv.: etnograficheskie ocherki [Vasyugan-Vakh Khanty in the late 19th – 20th centuries: Ethnographic studies]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet. 226 p.
- Matveeva N.P., 1993. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [The Sargatka culture in the Middle Tobol region]. Novosibirsk: Nauka. 176 p.
- Matveeva N.P., 1994. Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya [The Early Iron Age of the Ishim River region]. Novosibirsk: Nauka. 152 p.
- Matveeva N.P., 1997. Trade contacts between Western Siberia and Central Asia in the Early Iron Age. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 63–77. (In Russ.)
- Matveeva N.P., 2000. Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) [Social and economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age (forest-steppe and subtaiga zones)]. Novosibirsk: Nauka. 339 p.
- Matveeva N.P., 2019. The Gorokhovo culture in the system of the Trans-Ural antiquities of the Early Iron Age. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 4–19. (In Russ.)
- Matveeva N.P., Prokonova M.M., 2019. Military clothes from the elite burials of the Sargatka culture (Western Siberia). *Stratum plus*, 3, pp. 37–50. (In Russ.)
- Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, and fairy tales of the Khanty and Mansi]. N.V. Lukina, comp., E.S. Novik, ed. Moscow: Nauka, 1990. 568 p.
- Nyaksimvol' [Nyaksimvol]. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, 2014. 200 p.
- Patkanov S.K., 1891. Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam [The type of Ostyak bogatyr based on Ostyak epic tales and heroic legends]. St. Petersburg: Imperatorskoe Russkoe geograficheskoe obshchestvo. 74 p.
- Patkanov S.K., 1892. The Ostyak epic tale about the heroes of the ancient city Emdar. *Zhivaya starina [Living antiquity]*, II, pp. 92–97. (In Russ.)
- Perevalova E.V., Karacharov K.G., 2006. Reka Agan i ee obitateli [The Agan River and its inhabitants]. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: Ural'skoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk: Grafo. 352 p.
- Rastoropov A.V., 2014. Research on the complex of archaeological sites in the Konda River region near the village of Stary Katysh. *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya [Issues of conservation and use of cultural heritage]*. G.P. Vizgalov, O.V. Kardash, eds. Ekaterinburg: Magellan, pp. 246–254. (In Russ.)
- Shirin Yu.V., Yakovlev Ya.A., 2010. Martyrology of Ugric archaeology. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 8. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, pp. 21–62. (In Russ.)
- Shorin A.F., 2006. The Kulayka burial ground of Syroy Agan 16 in the Surgut Ob River region. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 3. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, pp. 156–164. (In Russ.)
- Stefanova N.K., Borzunov V.A., 2002. Arkheologiya taezhnogo Ob'-Irtysh'ya: Khronika polevykh issledovaniy na territorii Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga [Archaeology of the taiga Ob-Irtysh region: Chronicle of field research on the territory of Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. Ekaterinburg: Akademkniga. 136 p.
- Troitskaya T.N., 1979. Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [The Kulayka culture in the Novosibirsk Ob River region]. Novosibirsk: Nauka. 124 p.
- Troitskaya T.N., Novikov A.V., 2004. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoy ravniny: uchebnoe posobie [Archaeology of the West Siberian Plain: Study guide]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet. 136 p.
- Zykov A.P., 2012. Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya: Srednevekov'e i novoe vremya [Barsova Gora: studies on the archaeology of the Surgut Ob River region: the Middle Ages and Modern period]. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy. 232 p.
- Zykov A.P., Fedorova N.V., 2001. Kholmogorskiy klad: Kolleksiya drevnostey III–IV vekov iz sobraniya Surgutskogo khudozhestvennogo muzeya [The Kholmogory hoard: Collection of antiquities of the 3rd–4th centuries AD from the Surgut Arts Museum]. Ekaterinburg: Sokrat. 176 p.
- Zykov A.P., Koksharov S.F., 2001. Drevniy Emdar [Ancient Emdar]. Ekaterinburg: Volot. 320 p.